

В программу коллоквиума входила экскурсия в г. Штральзунд и на остров Рюген. Историко-культурный музей в Штральзунде расположен в обширных помещениях бывшего монастыря. В экспозициях значительное место отведено этнографическому материалу. Очень хорошо демонстрируются крестьянские постройки: наряду с прекрасно выполненными моделями старинных домов даются чертежи их горизонтальной планировки и карты с указанием их местонахождения. Выставка демонстрирует несколько комнат с типичной обстановкой рыбацких домов, здесь представлены также орудия труда и предметы крестьянского искусства. Штральзундский музей оставил у участников экскурсии самое благоприятное впечатление.

Экскурсия на остров Рюген, проходившая под руководством д-ра К. Баумгартена (Росток), дала участникам коллоквиума возможность ознакомиться со старой рыбацкой деревней Витт и некоторыми традиционными крестьянскими постройками. Экскурсия в целом была несомненно существенным дополнением к проведенным заседаниям.

Прибалтийский коллоквиум прошел с успехом и остается только пожелать, чтобы его работа была продолжена и встречи на подобных международных заседаниях стали бы систематическими.

Все доклады, заслушанные на коллоквиуме, будут опубликованы отдельным сборником. Издание его принял на себя Институт немецкой этнографии.

А. Вийрес, Н. В. Шлыгина

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ УСТНОЙ ПРОЗЫ

В начале сентября 1966 г. в Либлице под Прагой состоялась конференция Международного общества по изучению народной устной прозы (International Society for Folk Narrative Research).

Это общество существует уже несколько лет, членами его являются ведущие исследователи фольклорной прозы. Возглавляется оно известным исследователем фольклора профессором Куртом Ранке (ФРГ).

Конференция, в которой приняло участие 60 ученых, длилась три дня. Прослушано было двадцать три доклада, в основном посвященных вопросам специфики отдельных жанров устной прозы и ее классификации.

Конференция открылась большим докладом ее председателя К. Ранке, посвященным вопросам классификации народной прозы (Kategorienprobleme der Volksprosa).

Он напомнил о древности народного повествовательного искусства, формы и структуры отдельных видов которого раскрывают идеи, дух его создателя — рассказчика «*homo pauper*». Этим объясняется общность повествовательной формы у народов мира и то, что определение разных видов народной прозы является прежде всего антропологической проблемой. Курт Ранке подчеркнул, что говоря о «*homo pauper*», он имеет в виду не индивидуального рассказчика, а общность всех рассказывающих индивидуумов, обобщенного представителя человечества со всеми его мечтами, снами, страхами и радостями. Проблема этого «*homo pauper*», по мнению докладчика, не индивидуальная и даже не региональная или национальная, а общечеловеческая.

Той же проблеме существа народной прозы в целом и обоснованию ее классификации был посвящен доклад К. В. Чистова (СССР) «Проблема категорий устной народной прозы несказочного характера». Докладчик указал, что в международном масштабе возможна и необходима выработка единых принципов классификации, и вряд ли осуществима единая интернациональная система категорий и терминов. В советской науке господствует убеждение, что основной теоретической категорией фольклористики является жанр, и сложилась классификационная система, как «учение жанре», стремящееся связать в единой концепции исторические, функциональные, морфологические особенности фольклорных произведений. Поскольку фольклор — явление полифункциональное и подчеркнуто коммуникативное, определение жанровых категорий должно основываться на учете социально-бытовых функций и в основу классификации должен быть положен характер коммуникации. Основные два вида народной прозы (сказка и несказочные повествования) обычно различаются по тому, верят или не верят исполнители и их слушатели в их содержание. Однако критерий достоверности отнюдь не безусловен. Два основных вида народной прозы (Märchen и Sage) не отличаются внутренней однородностью и являются не жанрами, а группами жанров.

Говоря о внутривидовой классификации сказочной прозы, К. В. Чистов возражал против наблюдающейся у целого ряда исследователей тенденции сужать представление о сказочных жанрах до суеверной былички (*Glaubensfabulat*). Намечая классификацию сказочной прозы, докладчик как общую черту всех ее жанров указал на то, что эстетическая функция в ней вторична, а первична какая-либо практическая, социально-бытовая функция. Для всей этой группы характерна относительно слабая выработанность стилистических средств и то, что форма рассказа (*Fabulat*, *Memorat*, *Sagenbericht*) зависит от реальных условий общения исполнителя со слушателем. В соответствии с хронологической прикрепленностью сказочная проза отчетливо делится на рассказы о прошлом и рассказы о настоящем, среди которых следует отметить и такие, главное событие которых должно произойти в будущем. Поскольку жанры сказочной устной прозы не могут быть выделены по чисто формальным признакам — здесь следует считать жанрами группы рассказов, связанные с определенными системами коллективных представлений, так как именно содержание представлений определяет конкретную прикладную функцию каждой группы. Отдельные жанры сказочной группы формируются на пересечении двух показателей — исторически развивающейся системы представлений и их хронологической приуроченности.

Для практического дела каталогизации сказочных жанров К. В. Чистов намечает следующие моменты: каталог *Sagen* должен быть многожанровым, группировать народные рассказы этого типа следует не по персонажам, а по темам. Внутри отдельных тематических групп должно быть осуществлено членение на предания о прошлом и рассказы о настоящем. Следует в равной мере учитывать и фабулаты, и мемораты, и слухи, и толки, т. е. все виды сказочной прозы.

Общность задачи определяет путь, по которому закономерно идут исследователи многих стран — от предварительных каталогов отдельных тематических групп к национальным, региональным, наконец интернациональным каталогам.

Доклады К. Ранке и К. Чистова наметили основное направление работы конференции. Дальнейшие доклады первого дня были посвящены отдельным теоретическим проблемам, непосредственно связанным с затронутыми в них основными вопросами устной прозы. Особенно большой интерес вызвал доклад швейцарского исследователя Макс-а Люти о праформе и целенаправленной форме в предании и сказке («*Urform und Zielform in Sage und Märchen*»). Указав на бесплодность исследований, направленных на поиски праформы, Макс Люти сказал, что каждая эпоха, каждый этап развития народной прозы имеет свой характер, свою особую силу высказывания. На анализе отдельных примеров он показал, что отдельным словам, мотивам, группам слов и мотивов свойственны продуктивные качества, которые как бы ждут того, чтоб они были использованы, развиты.

Макс Люти высказал мысль, что настало время отказаться от мифологического истолкования известного положения Якова Гримма о том, что в народном творчестве «все делается само собой». В словах и группах слов, в мотивах и эпизодах, по его мнению, заключается огромное количество возможностей, которые ждут своего осуществления и развития. Целенаправленность формы в процессе бытования как бы исправляет, улучшает, шлифует текст, она контрастна явлениям распада повествования. Целенаправленность формы развивается из зародыша, заложенного либо изначально, либо в переходные формы путем использования в процессе передачи текста языковых или сюжетных возможностей, которые в них заключаются. Мутация эта осуществляется в силу вынужденной необходимости: каждый мотив несет в себе закономерное появление другого. Например, мотив запрета закономерно влечет за собой мотивы нарушения его, наличие братьев — мотив верности или измены, мотив преступления — мести или кару. Характер этой целенаправленности, естественно, определяется временем, культурным уровнем, мировоззрением исполнителей и слушателей: так, мотив преступления в зависимости от этих предпосылок может быть целенаправлен к мотиву возмездия или же прощения.

Целенаправленность, характерная для развития языка или повествования, обнаруживается не только в общей линии их развития, но и в деталях, при этом стиль жанра подвывает целеустремленность слова как такового. Например, если понятие «лес» тянет за собой определение «зеленый», то в сказке, в отличие от песни, это же понятие в силу особенностей жанра тянет за собой определение «темный» или «большой».

Поэтому только социологическое, типологическое или психологическое объяснение полигенеза недостаточно: следует учитывать самодвижение материала, целенаправленность слов, мотивов, тем.

Основным проблемам, возникающим при изучении народной устной прозы, были посвящены и два последующих доклада — директора пражского Института этнографии и фольклористики Я. Р. М. И. «Вариативность и стабильность отдельных жанров народной прозы» и норвежского исследователя Б. Р. Н. Ю. Л. Ф. А. Л. в. е. р. «Жанр и функция».

Я. Р. М. И. указал на то, что стабильность и вариативность в равной мере являются основными законами устной традиции. Рассмотрев характер и степень их в разных жанрах, а также воздействие на них таких предпосылок, как личность рассказчика, ауди-

тория, время, актуальность содержания, докладчик пришел к выводу, что сказки относительно стабильнее, чем предания.

Яромир Йех считает, что если в отношении жанров повествовательной прозы в целом можно считать, что степень вариативности уравнивается стабильностью повествования, то соотношение это может быть различным в отношении отдельных тем, структур, сюжетов.

Б. Альвер на ряде примеров показал необходимость учета при определении жанров устной прозы не только самого текста, но в той же мере и того контекста, в котором он произнесен, функцию, которую он выполняет.

В оживленных прениях, которые развернулись после заслушания этих пяти докладов, главным образом указывалась шаткость границ между отдельными жанрами устной прозы и несостоятельность и противоречивость их определений, принятых в науке.

Доклады второго дня были посвящены отдельным жанрам устной прозы: сказкам, преданиям, легендам, шванкам и так называемым периферийным или промежуточным повествованиям.

Известный румынский исследователь Михай Поп говорил о продуктивности и актуальности структурального метода при изучении сказок.

Владислав Становский (Чехословакия) подверг критике существующие системы классификации устной прозы и как единственный целесообразный принцип классификации выдвинул формальный принцип — классификацию по типу композиции. Он указал на плодотворность использования при выработке системы классификации повествовательных жанров современных лингвистических методов.

Исследовательница чешского и словацкого фольклора Вера Гашпарикова показала на материале словацкого фольклора тематическую сложность и стилистическую близость разных прозаических жанров внутри одной национальной традиции.

Заведующий кафедрой фольклора Карлова университета в Праге Карел Дворжак на примере сказки о Рапунцель (АТ 508) показал тесную связь волшебной сказки с преданием.

Известный польский исследователь Юлиан Кржижановский говорил о многообразии употребления термина «легенда», которым обозначаются как религиозные суеверные рассказы, так и исторические предания и разнообразными мистические истории.

Секретарь Общества изучения народной прозы Фриц Харкорт (ФРГ) изложил свое выступление сказкам о животных. Указав, что шаткость критериев при определении жанра заставляет усомниться в самом понятии жанра, он попытался доказать, что сказки о животных не являются самостоятельным жанром и вместе с тем не относятся ни к шванку, ни к волшебной сказке, ни к легенде. В заключение доктор Ф. Харкорт предложил как основу классификации устной прозы такие категории, как этнологические рассказы и нравоучительные рассказы (Beispielsvolkserzählungen).

Всегообщее внимание и живой интерес вызвали в этот день доклады, посвященные народной комической прозе, профессора Германа Баузингера (ФРГ) и доктора Зигфрида Неймана (ГДР).

Профессор Баузингер дал характеристику самому существу шванка как жанра и провел морфологический анализ восьми основных его видов. Выделяя шванк как особую повествовательную форму, докладчик четко разграничил его не только со сказками и легендами, но и с анекдотом и остролистием. Проф. Баузингер, исходя из природы комического, подчеркнул диалектическое единство в шванке осуждающей сатиры и всепрощающего юмора, единство, в котором он видит социальную функцию шванка как жанра.

Доктор З. Нейман подчеркнул, что в народной комической прозе, кроме увеселительных функций, кроются психологические, социальные, политические, национальные, эстетические тенденции. Этим определяется многообразие комической прозы, как ее содержания, так и формы, ее многожанровость. Одни из этих жанров в настоящее время угасают, уходят из народного быта, другие, например анекдот или веселый рассказ о каком-нибудь смешном случае, живут. В заключение доктор Нейман указал на необходимость учета при классификации комической устной прозы ее социальной функции.

Второй день работы конференции завершился докладом доктора Либуши Поуровой (Чехословакия), посвященном периферийным жанрам современной народной прозы, и прениями по вопросам жанровой классификации устной прозы.

В третий день работы конференции был заслушан ряд докладов о соотношении отдельных жанров народной прозы, а также о соотношении их с другими жанрами народного творчества и народными знаниями.

Патриарх чешской фольклористики академик Юрий Горак в докладе о соотношениях сказок и легенд показал на примерах легенд о спящем в горе избавителе и сказок о благородном мертвце проникновение в легенду сказочных мотивов и обратный процесс — насыщение традиционной волшебной сказки типично легендарными эпизодами и деталями.

Профессор Ольдрик Сыроватка (Чехословакия) остановился на соотношении народной прозы с балладами. Он убедительно показал большую близость баллады

к преданию, чем к сказке. При этом он показал, что одна и та же тема, один и тот же сюжет, в зависимости от жанра, получает различное поэтическое выражение и различную функцию. Анализ материала привел докладчика к констатации того, что поэтические жанры являются исторически обусловленной и изменяющейся формой.

Норвежский исследователь доктор Отто Блэр говорил о соотношении народных верований и устной прозы, а профессор Вайланд Хэнд (США) — об отражении в сказках народной медицины.

Собираательница и исследовательница венгерского фольклора Агнес Ковач на примере анализа ритмики венгерской сказки говорила о необходимости точной записи народной прозы при помощи современной звукозаписывающей аппаратуры.

Работа конференции завершилась обсуждением докладов, в которых предлагались конкретные системы классификации и завершённые каталоги народной прозы, представленные: Дагмар Климовой (Чехословакия) — о классификации современных преданий, Тони Бриль (Румыния) — о каталоге румынских преданий, выдающимся сказководом Лутцем Рёрихом (ФРГ) и Ингеборг Мюллер (ГДР) — о каталоге немецких преданий о мертвецах.

Конференция Международного общества изучения народной прозы показала, что повсеместно исследователями ведется большая теоретическая и практическая работа по собиранию, изучению и классификации устной прозы, работа, которая может развиваться плодотворно лишь при условии контакта между учеными разных стран, работающими в одной области. Нельзя переоценить значения, которое имели для этой работы состоявшиеся в последние годы конгрессы, конференции, заседания и встречи исследователей устной прозы в Париже, Антверпене, Киле, Будапеште, Афинах, Москве, Ростове, а также публикации докладов, прочитанных и обсужденных при этих встречах.

Доклады, прочитанные на последней конференции, будут опубликованы под редакцией доктора Яромира Йеха, любезного хозяина и организатора конференции в Либлице, в очередном дополнительном томе журнала «Fabula».

Э. В. Померанцева